

Ирма Муллонен
(Петрозаводск)

**Фонетическая интеграция прибалтийско-финской топонимии
в русскую топонимическую систему Заонежья**

Заонежье или Заонежский полуостров, расположенный на северном побережье Онежского озера – уникальный в смысле историко-культурного наследия район. Именно здесь была открыта в XIX веке русская былинная поэзия. Заонежье известно и шедеврами деревянной архитектуры, среди которых всемирно известный Кижский ансамбль. Территория Заонежья была хорошо освоена. По Спискам населенных мест Карелии 1933 г. здесь насчитывалось более 500 поселений, при том что размеры полуострова невелики: 70 км в меридиальном направлении и 50 км в широтном. Карто-тека топонимов Заонежского полуострова включает около 10 тыс. географических названий.

Культура Заонежья, лежавшего на древнем транзитном пути из Онежского озера в Белое море, возникла на стыке двух традиций – прибалтийско-финской и русской и явилась результатом их взаимодействия, взаимопроникновения, сплава. Русское освоение Заонежья происходило несколькими удаленными друг от друга по времени волнами в течение первой половины II тыс. н. э. и, с одной стороны, накладывалось, с другой, сопровождалось прибалтийско-финским (вепским и карельским) освоением. На протяжении столетий в Заонежье происходили активные этноязыковые процессы, отразившиеся в топонимии, которая, будучи русской по употреблению, буквально пронизана названиями прибалтийско-финского происхождения. Последние составляют в некоторых локальных территориях Заонежья до 15 – 20 % общего топонимического фонда и характерны не только для устойчивой во времени гидронимии, но и для относительно подвижной микротопонимии.

Наличие прибалтийско-финских черт в языке заонежан отмечал уже первый собиратель заонежских былин П. Рыбников (1867). Несколькими

десятилетиями позже А.А. Шахматов объяснял некоторые фонетические особенности в русских говорах Заонежья прибалтийско-финским воздействием, о чем свидетельствует его рукописные отчеты о поездках в Олонецкий край (Гринкова 1947: 381–382). И.П. Гринкова, детально ознакомившаяся с рукописным наследием Шахматова и сама занимавшаяся исследованием севернорусских говоров, писала: «... особенности заонежских диалектов, выявляющие ряд фактов, не свойственных севернорусским говорам, вернее всего следует поставить в тесную связь с местными карельскими диалектами» (Гринкова 1947: 390). В последующие годы убедительные свидетельства прибалтийско-финского воздействия на язык заонежан были выявлены карельскими диалектологами. Обширный набор диалектных заонежских лексем с карельскими и вепскими истоками содержится в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей», шесть томов которого увидели свет в последние годы.

В силу того, что субстратные прибалтийско-финские топонимы составляют значительный пласт в Заонежье, появляется возможность выявить определенные закономерности в том, как происходило восприятие их в русскую систему наименований. В данной статье анализируются особенности фонетической адаптации прибалтийско-финской топонимии к русской топонимической системе Заонежья, иначе говоря, как прибалтийско-финские топонимы приспособлялись к особенностям русской фонетики. Понимание закономерностей фонетической интеграции позволяет провести этимологическую интерпретацию целого ряда субстратных топонимов Заонежского полуострова. Оно важно также для реконструкции характера контактных отношений.

Об особенностях фонетической адаптации приходится говорить прежде всего в ситуации отсутствия эквивалентов в воспринимающей звуковой системе. Ниже представлены наиболее показательные случаи усвоения прибалтийско-финских гласных и согласных. В усвоении несвойственных русской фонетике переднерядных *ä*, *ö*, *y* Заонежье в целом солидаризуется с Присвирьем (см. подробнее Муллонен 2002). Здесь есть необходимость остановиться лишь на адаптации прибалтийско-финского *e*, который в ряде случаев передается через *ы*: *Пырейгуба* (*perä* ‘задний’), *Рыдойболото* и *Рыдручей* (*redu* ‘грязь, грязный’), поле *Пырнач*. Видимо, в данном факте отразилась более задняя огласовка карельского *e* на фоне русского. В Присвирье, где происходила адаптация вепской топонимии, такой случай не зафиксирован. Видимо, это обусловлено особенностями вепской фонетики, в которой в результате активного и длительного русского воздейст-

вия произошло определенное сужение гласных переднего ряда: ср. вепс. *p'er'ä* при карельском *perä* ‘задний’. Освоение *e* в виде *ы* в Заонежье можно, видимо, рассматривать как один из фонетических критериев карельского (не вепсского) истока адаптированных топонимов. Чужеродность прибалтийско-финского *e* для русского Заонежья видна и в том, что он не может выступать в позиции начала слова. Перед ним появляется протеза *в*, как в названии острова *Вениш*, расположенного в Виговской губе, в северном конце цепочки из пяти островов, из которых он является самым крупным. Замыкается эта цепочка в ее южном конце *Маленьким островком*. На то, что острова воспринимались как единый архипелаг, указывает расположенный в центре цепочки *Межестров*. Приведенные ландшафтно-географические обстоятельства призваны подтвердить этимологию **enä* ‘большой’ для топонима *Вениш*, которая несколько затушевана современным фонетическим обликом названия. В свою очередь, в названии ручья *Енарье* (с вариантами *Генарье* или *Генарская речка*), восходящего к **Enäjärvi* > **Enärvi*, начальный **e* сузился при русской адаптации до [je].

Особенности в усвоении согласных также в значительной степени обусловлены карельскими истоками топонимов. Это хорошо демонстрируется, к примеру, интеграцией геминированных согласных, которые, как известно, не свойственны вепсской фонетике. Отсутствие в русских говорах геминат приводит к закономерной замене их одиночным согласным (Калима 1919: 36–37). Карельский ландшафтный термин *jylmäkkä* ‘круглая гора, крутой склон’, зафиксированный в говорах Суоярви (KKS) в северо-западном Приладожье, закрепился в Заонежье в трех топонимах, при этом каждый раз без геминаты, в виде *Юлмаки*. В основе названия острова *Кабак* и луды *Кабаккой* карельское *karakka, karakko* ‘неровный (о замерзшей или высушенной земле), с рытвинами’ (KKS). В карельской топонимии основа часто выступает в названии небольших, низко выступающих над водой островов с неровной поверхностью, где низкие места чередуются с более высокими. Наконец, в качестве возможного источника названия деревни *Койкиницы* предлагается зафиксированный в средневековых источниках финский, а также карельский антропоним *Koikka* прозвищного характера, по-видимому, восходящий к апеллятиву *koikka* ‘длинноногий, сгорбленный (о человеке и животном)’ (Микконен & Пайккала 2000) с четкой геминатой. Однако такой способ передачи удвоенных прибалтийско-финских согласных – не единственный. Топонимия Заонежья содержит ряд примеров, указывающих на расподобление *-kk-* в русской передаче в *-тк-*: дер. *Кибитка* < *kivikkö* ‘каменистое место’; название залива со ска-

листым побережьем *Кулатка*, а также скалистого остров *Кулатка* возводятся, видимо, к известному в восточных финских говорах термину *kolakka* или *koleikko* ‘каменистая скалистая местность; неровная с рытвинами дорога’ (SMS); поле *Лопатка* < кар. *lapakka* ‘плоский, приплюснутый’ (KKS). Расподобление геминаты в сочетании согласных сопряжено с передвижкой ударения на второй слог и сохранением трехсложной структуры слова.

Характерное для русского языка сочетание согласных в начале слова, видимо, провоцирует появление звуко сочетаний *-пл-, -кл-, -др-, -гл-* в адаптированных прибалтийско-финских топонимах с инициальным одиночным согласным: в Толвуге поле *Пламбина*, рядом с которым существует вариант *Ламбина* (из кар. *lampi, lambi* ‘лесное озеро’), в Паяницах поляна *Киматки* или *Климатки* < **Kimmatka* (*kiima, kiim, kim* ‘токовище, место токования’). Такого же рода фонетическое развитие произошло, видимо, в названии обширного лесистого полуострова *Клим* или *Климнос* в Толвуге, а также болото *Клинмох* в Кузаранде. В последнем примере усвоение топонима сопровождалось еще дополнительно расподоблением согласных на границе элементов сложного топонима. Список примеров продолжают остров *Лидостров* (*liete* ‘песок’), который на картах XIX в. назван *Глидостровом*, а также озеро *Лепозеро*, известное и как *Клепозеро*. Название озера *Дристозеро* восходит, по всей видимости, к первоначальному **Ristозеро* (*rist, risti* ‘крест’). Такая интерпретация поддерживается расположением озера на старой границе двух погостов, а основа с семантикой ‘крест’ была характерна в Заонежье как раз для пограничных объектов (Муллонен 2004). В свою очередь, за *Хмелезером* может стоять прибалтийско-финский оригинал в виде **Melajärvi* (*mela* ‘кормовое весло’), так что *Хмелезеро* было первоначально **Мелозером*, в котором в ходе русского освоения, видимо, на основе народной этимологии произошло сближение с русским словом *хмель*. Дополнительным обоснованием в пользу калькирования может считаться и сложная структура названия. В вепсской топонимии основа *mela* довольно последовательно использовалась в наименованиях примыкающих к водоразделам водных объектов (озер, рек), находившихся на водно-волоковых маршрутах. Основа служила знаком того, что здесь заканчивался пеший участок маршрута и начинался водный, гребной этап. Озеро *Хмелезеро* как раз отвечало этому условию. Знаменательно, что аналогичное фонетическое явление прослеживается и в некоторых исконных русских топонимах: в Кажме сосуществуют варианты *Лецевая губа* и *Клецевая губа*, в Яндомозере к болоту с названием *Клатино* примыкает

Лапина пожня, а вариантом к названию урочища *Росковицина* выступает *Дросковицина*. Выявленный ряд примеров объединяется наличием сонорного согласного в звукосочетании. Видимо, это было важным условием наращивания дополнительного согласного. Данный признак свойствен в определенной степени и смежным с Заонежьем обрусевшим территориям Обонежья.

В отражении еще одной фонетической особенности Заонежье солидаризируется со смежными контактными территориями, в том числе с бывшим вепским Присвирьем: и в исконных, и в адаптированных прибалтийско-финских топонимах довольно активно происходит замена $p \sim l$ и $l \sim p$: *Валесельга* и *Варисельга*, *Чалька*, в основе которого карельский термин *čärkä* ‘гора, кряж, крутой берег’, поляна *Мальяха* или *Марьяха* (*mal'la* ‘чаша, миска’ – основа использовалась в карельской топонимии для названия гор), луда *Кальяка* с вариантом *Карьяка* (*kal'lo*, *kalli*, *kal'l* ‘скала’), ручей *Гарьюсручей*, названный в архивных документах XIX в. *Гальюс* (*harju*, *harjus* ‘вершина горы, хребет’). Название расположенного в окрестностях села Яндомозера лесного озера *Лимбозеро* кажется достаточно загадочным, если не знать, что существовал параллельный вариант названия *Рымбозеро*, отразившийся, в частности, в архивных материалах начала XX в. В основе карельский ландшафтный термин *rimpi*, *rimbi* ‘открытое безлесное болото, трясины’. Такая интерпретация подтверждается и ландшафтной характеристикой: озеро действительно окружено непроходимыми болотами. Помимо *Лимбозера* мена $p \sim l$ отразилась в таких топонимах окрестностей Яндомозера как река *Нулица* ~ *Нурица* или урочище *Лигаचेвица* ~ *Ригачевицина*. Ее следы отмечены и в лексике, в частности, в областном слове *ольга*, зафиксированном П. Рыбниковым, а затем попавшем в словари В. Даля (Даль II) и Г. Куликовского (1898). В действительности, как показал убедительный анализ С.А. Мызникова (2003: 262–264), речь идет о фонетическом варианте известного севернорусского диалектного слова *орга*, служащего для обозначения густого елового леса, поросшей лесом болотистой низины.

В отражении фрикативного *h* заонежская топонимия укладывается в закономерности, известные в Обонежье и смежных районах традиционного прибалтийско-финско-русского контактирования. В позиции перед гласной и звонкой согласной *h* передается, как правило, русским *г*: *Галгуба* или *Гаугуба* (*halla*, *halle*, *hal* ‘заморозок’), *Ловги* (*louhi* ‘груда камней, каменное место’), *Виганды* (*vihanta*, *vihand(e)* ‘зеленый’), *Гангасозеро* (*hankas*, *hngas* ‘развилина, развилка’). Прибалтийско-финское *rohja* в значе-

нии 'конец залива' представлено в качестве основного элемента в следующих заонежских топонимах: *Лахмонога* (< **Lahdenpohja* 'конец залива'), поле в северном конце оз. Хашезеро; *Черные Саныги*, покос на берегу небольшой ламбы, расположенной на краю болота, что дает основания предполагать оригинал **Suopohja* 'конец, край болота' (на современном облике названия явно сказалась народная этимология); залив Уницкой Губы *Умнога*, из **Umpipohja* > **Umprohja* > **Umpohja* 'замкнутый конец залива'. Топоним, видимо, нес информацию о том, что из этого значительного по размерам залива нет выхода в виде впадающей в залив реки, по которой возможно было продолжить путь по воде. Таков же принцип фонетической адаптации термина *ryhjä* 'группа домов, строений', сохранившегося в топонимах *Большая* и *Малая Рюга*, в прошлом названиях деревень.

В некоторых случаях в позиции перед гласным *h* исчезает, и такая неустойчивость связана, возможно, с тем, что *h* в действительности замещался в севернорусских говорах не *x* и не *z*, а особенным севернорусским фрикативом *ɣ*, обладающим тенденцией к исчезновению (Аванесов 1949: 137). Среди заонежских примеров *Ожематка* (*huoža* 'хвощ'), *Ижгора* (*hiisi*, *hiž* 'черт, леший'). Деревня *Ютева Гора* с вариантами *Гютева Гора* входит в состав старинного заонежского села Шуньга. Историю становления ойконима удастся проследить вплоть до писцовой книги 1563 г., в которой упоминается основатель поселения Тимошка Григорьев Гютюев (Витов 1962: 275). Для этимологии важно, что до начала XVIII века ойконим записывался в форме *Ютеева Гора*, что позволяет восстанавливать в его основе карельский и саволакский антропоним *Huutiä*, который хорошо известен, к примеру, письменным источникам XVI в. по территории Карельского перешейка (Микконен & Пайкала 2000: 142). Авторы Словаря финских фамилий считают возможным возводить его к апеллятиву *huutiä* (более известный фонетический вариант *huupiä*) 'сова, филин', что вполне укладывается в закономерности семантики карельских патронимов.

Нестабильность инициального *h* в процессе заимствования, а также причины такой нестабильности хорошо видны в названии озера *Хашезеро*, расположенного в северном Заонежье, на большом полуострове *Ажебнаволоок*. Связь этих двух топонимов несомненна. В *Хашезеро* сохранился начальный согласный карельской топоосновы, утраченный *Ажебнаволоком*, который, в свою очередь, сохранил ее конечную огласовку. Карельский оригинал *Хашезера* выглядел, очевидно, как **Haisijaljärvi* (*haisija* 'пахнувший'), в котором произошло наложение идентичных по звучанию послед-

него слога топоосновы и первого слога детерминанта (т.н. гаплогогия): **Haisija/järvi* → **Haisi/järvi* > *Xaulezero*. В основе *Ажебнаволока* реконструируется карельское **Haisija/niemi* (*niemi* ‘мыс, наволок’), в котором по законам фонетической интеграции конечное *-ja* переходило в *-ga*. На это указывают зафиксированные в старых источниках варианты *Кажакгуба* (1496) и *Важогнаволок* (1718) (Витов 1962: 257, 259). В свою очередь, взаимозаменяемость *г ~ в ~ б* в севернорусских говорах объясняет появление *б* в *Ажебнаволоке*. Впрочем, нельзя исключать и существования карельского варианта **Haiseva/niemi* (*haiseva* ‘пахнущий’). Утрата же начального *h* связана с передвижкой ударения в русском варианте названия на второй слог, что ослабило звучание и без того слабого карельского *h*. Показательно в связи с этим, что в источниках XV–XVII вв. *Ажебнаволок* зафиксирован в варианте *Жабнаволок* (Витов 1962: 261), с утраченным полностью вследствие передвижки ударения первым слогом.

Субституция *h* (или *k*) в словах с основой на *-e* оказывается определенным критерием карело-вепсской фонетической дифференциации. В топонимии Заонежья представлены две ситуации: в одном случае *h* передается через *x*, в другом через *г*: *Розмега, Рядеги, Пурдега, Сявнеги, Литеги* и др., но *Кортеха, Кортехматка, Кортехгуба, Перехнива*, в один ряд с которыми входит, видимо, и руч. *Корежий*, угодье *Корежи*, мыс *Кореший Нос*, в основе которых заонежское *кореха* (из кар. *kuoreh* ‘корюшка’). Анализируя истоки севернорусского *корех, кореха*, С.А. Мызников обращает внимание на отсутствие его в Подпорожском районе – в ареале активного вепсского воздействия на русские говоры (Мызников 2003: 161). Это замечание обретает особый смысл в контексте следующего наблюдения ареального характера. Ареальная дистрибуция вариантов *кортега* и *кортеха* ‘растение семейства хвощевых’ (*korteh* ‘хвощ’), приводимая в СРГК, кажется, подтверждает предположение о преимущественно вепсских и людиковских истоках *кортега* и собственно-карельских *кортеха*: первая бытует в Прионежье, Пудожском и Медвежьегорском районах, вторая в Прионежье, Медвежьегорском, Кемском районах и в Сегозерье, т.е. в более северном, смежном с собственно-карельским ареале. Тенденцию к сохранению *h*, т.е. передачу его через рус. *x* позволительно рассматривать, таким образом, в русле карельских истоков топонима. С этим выводом согласуется отсутствие топооснов данного типа с конечным *x* в субстратной топонимии русского Присвирья, сложившейся под бесспорным вепсским воздействием (Муллонен 2002: 52–54).

Вообще проблема различения вепсского и карельского начал актуальна для топонимии Заонежья. Хотя тезис о прибалтийско-финском наследии в языке Заонежья общепризнан, исследователями-языковедами чаще всего не дифференцируются вепсское и карельское начала или же, как, например, в работах Д.В. Бубриха (1947) или В.В. Пименова (1965) проводится мысль о вепсских истоках языка и особенно топонимии Заонежья. Провести границу между вепским и карельским элементами в субстратном языке Заонежья действительно не просто, поскольку речь идет о близкородственных языках. В результате топонимная лексика, т.е. слова, наиболее активные в топонимообразовании, восходит к словарному фонду, общему для всех прибалтийско-финских языков и, следовательно, не способна дифференцировать языковые коллективы. Заонежские топонимы *Койгуба* (кой- < вепс. *koiv*, кар. *koivi* ‘береза’), *Габсельга* (габ- < вепс. *hab*, кар. *hoara*, *huabe* ‘осина’), *Лепнаволок* (леп- < вепс. *lep*, кар. *leppä* ‘ольха’) допускают в равной степени вепскую и карельскую интерпретацию. В этих условиях актуален поиск надежных критериев для разграничения. Фонетический критерий, основывающийся, с одной стороны, на звуковой специфике вепсского и карельского языка, с другой, на законах севернорусской фонетической обработки прибалтийско-финских оригиналов, является достаточно надежным. Проиллюстрирую сказанное одним показательным примером – названием деревни *Рим*, входившей в Вырозерский куст поселений. Деревня находилась на краю обширного болота Залебежский или Римский Мох, что дает основание связывать ойконим с прибалтийско-финским словом *räme* (вепс. *räm-*) ‘болото, поросшее чахлым лесом’. При такой интерпретации возникает, однако, одна сложность фонетического порядка: прибалтийско-финское *ä* в Заонежье передается в русском употреблении через *я* [’а] или *е* [’е], но не *и*: *Мяндостров* или *Мендостров* (*mändy*, *mänd* ‘сосна’), *Сяргозеро* или *Сергозеро* (*särgi*, *särg* ‘плотва’), *Сявнега*, *Сямникозеро* (*säyneh* ‘язь’). Эту сложность можно преодолеть, если обратить внимание еще на одну примечательную деталь фонетической системы Заонежья: прибалтийско-финский дифтонг *ie* воспринимается здесь в русском употреблении как *и*: урочище *Лутяги* (*liete*, *lieteh* ‘мелкий песок’), мыс *Пиннаволок* (*pieni* ‘маленький’), поле *Пиндера* (*piennar*, *piendar* ‘обочина, межа’), залив *Виремгуба* (*vieremä* ‘осыпающийся крутой песчаный берег’) и др. В ряду последних заманчиво рассматривать и топоним *Рим* как восходящий не к вепсской или южнокарельской основе с гласным *ä* (*räm-*), а к собственно-карельской, имеющий вид *rieme*. Фонетический облик топонима несет указание на языковые истоки назва-

ния. Кстати, вывод о собственно-карельском происхождении топонима *Рим* поддерживается названием самого куста поселений *Вырозеро*, которое в письменных источниках XVI–XVII вв. известно как *Вирозеро*. В основе топонима собственно-карельское слово *vierä* ‘кривой, изогнутый’ (при вепском *vär*).

В топонимии Заонежья, судя по нашим материалам, нашла отражение еще одна характерная карельская фонетическая особенность, заключающаяся в том, что в собственно-карельском наречии происходило выпадение гласного *-i* из основы, сопровождавшееся последовательно палатализацией следующего за *-i* согласного (Рапола 1966: 478–479; Итконен 1968: 79–80). Этот признак не проявляется в вепских говорах и поэтому может квалифицироваться как дифференцирующая карельская особенность. В топониме *Ватлекша* второй элемент *-лекша* восходит к первоначальному карельскому *-lakši* ‘залив’, в котором, однако, произошла палатализация *l*, спровоцированная закономерной для карельского языка утратой гласного *i* из первого элемента оригинального сложного по структуре топонима **Vatai/lakši* (*vatai-* из *vataja* ‘болотистое, поросшее кустарником место, используемое иногда под покосы’) и превращения его в **Vatoi/lakši* и далее в **Vato/lakši*, которое преобразовалось в русском употреблении в Ватлекшу. Возможно, отмеченная фонетическая особенность сформировала и варианты *Вайностров* и *Ваньостров*, в которых на самом деле отразился целый букет фонетических закономерностей, в том числе, наращение протетического *v* перед основой, начинающейся с *a*¹, преобразование приб.-фин. *h* в позиции перед сонорным в *i* (на такую возможность указывает вариант названия *Вагностров*), что позволяет реконструировать топооснову *ahn* (< *ahven*) ‘окунь’. *Вайностров* – это, таким образом, ‘Окуневый остров’, а вариант *Ваньостров* с палатализованным *n* появился как следствие утраты из основы гласного *-i*. Аналогична, видимо, история топонима *Ланьостров* или *Ланестров*, в основе которого с учетом отмеченных выше закономерностей реконструируется *lahna* ‘лещ’. Этот ряд завершает убедительный пример, представленный двумя вариантами названия острова в окрестностях дер. Усть-Яндома: *Кайостров* и *Кадьостров* с карельской основой *kaid-* ‘узкий’.

В заключении поставлю еще один вопрос, связанный с поиском русских топонимических древностей. Анализ свидетельствует об отсутствии в За-

¹ На данную особенность русского фонетического освоения указывают и некоторые другие топонимы Заонежья: урочище *Валимоны* (**Alimaini* ‘нижний’), остров *Вайтостров* с вариантом *Айтостров* (*aitta* ‘амбар’) и др.

онежье прибалтийско-финских заимствований древнерусского времени, маркированных редуцированными или носовыми гласными, что, впрочем, естественно: процессы исчезновения носовых и падения редуцированных относятся к рубежу I–II тысячелетий. Из более поздних фонетических процессов интерес представляет отражение прибалтийско-финского ударного *a*. Известно, что на разных этапах финско-русского языкового контактирования оно передавалось в русском по-разному: на раннем этапе контактов через *o* (*Karjala* – *Корѣла*), а позднее через *a* (*Karjala* – *Карелия*, *lambi* – *ламба*) (Калима 1919: 46–47). Заонежье явно не принадлежит к числу зон, где отражается древнерусское состояние, т.е. прибалт.-фин. *a* → рус. *o*. Здесь массово представлен более поздний рефлекс *a* → *a*. Однако на этом общем фоне выделяются единичные примеры с рефлексом *o*. Самый известный из них – название старинного села и центра древнего погоста *Толвуй* или *Толвуя*, в котором прибалт.-фин. *a* (*talv*- ‘зима, зимний’) передается как *o*: *Толвуя* < **Talv(i)oja* ‘зимний ручей’. Примечательно, что остальная топонимия окрестностей Толвуи практически лишена древних русских маркеров, что, по-видимому, увязывается с ранней фиксацией названия *Толвуя* в русских источниках, т.е. с ранним, еще в период древнерусского языка, появлением русского варианта топонима. Есть основания полагать, что отмеченный древний фонетический рефлекс отразился и в названии озера *Космозеро*. На эту мысль наводит наименование вытекающей из озера реки *Кажма* с *a* в основе. Озеро Космозеро примечательно тем, что оно было важным этапом водно-волокового пути, проходившего по внутренним районам Заонежского полуострова и сыгравшего значительную роль в освоении его западных пределов. В связи с этим его название рано стало фактом русской речи, что и могло спровоцировать появление *o* на месте первоначального *a*, сохранившегося в речном наименовании. На первичность *a* указывает в данном случае и возможная этимология топонима. Название реки *Кажма*, представляющей собой короткую протоку между обширной губой Онежского озера Святухой и озером Космозером, заманчиво возводить к вепс. *kaza*, кар. *kasa* ‘угол, край, бок’. Такая интерпретация находит поддержку в географической характеристике: озеро Космозеро, из которого вытекает река Кажма, является угловым, боковым по отношению к Святухе.

Предложенные выше заметки не носят системного характера. Однако выявленные в них закономерности способствуют пониманию того, как и когда происходила языковая смена в Заонежье, а также конкретизируют прибалтийско-финские источники топонимии.

Литература

- Аванесов 1949 = Р.И. Аванесов: *Очерки русской диалектологии*. Ч. I. Москва.
- Бубрих 1947 = Д.В. Бубрих: *Происхождение карельского народа*. Петрозаводск.
- Витов 1962 = М.В. Витов: *Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений*. Москва.
- Гринкова 1947 = Н.П. Гринкова: К изучению олонецких диалектов. *А.А. Шахматов 1864 – 1920. Сборник статей и материалов*. Под ред. акад. С.П. Обнорского. Москва – Ленинград, с. 365–390.
- Даль I–IV = В. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка*. 2-е изд. Санкт-Петербург – Москва 1880–1882.
- Итконен 1968 = Т. Itkonen: Itäsuomalaisen liudennuksen fonologinen paradoksi. *Fenno-Ugrica: Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17.3.1968*. (= Suomalais-Ugri-laisen Seuran Toimituksia 145). Helsinki, с. 76–116.
- Калима 1919 = J. Kalima: *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsinki. (Suomalais-Ugri-laisen Seuran Toimituksia XLIV).
- Кузьмин 2002 = Д.В. Кузьмин: Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии. *Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры*. Петрозаводск, с. 139–149.
- Микконен & Пайккала 2000 = P. Mikkonen & S. Paikkala: *Sukunimet*. Helsinki.
- Муллонен 2002 = И.И. Муллонен: *Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования*. Петрозаводск.
- Муллонен 2004 = И.И. Муллонен: Границы в топонимии Заонежья. *История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси*. Вологда, с. 164–178.
- Мызников 2003 = С.А. Мызников: *Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения*. Санкт-Петербург.
- Пименов 1965 = В.В. Пименов: *Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры*. Москва – Ленинград.
- Рапола 1966 = M. Rapola: *Suomen kielen äännehistorian luennot*. Helsinki. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 283).
- Рыбников 1867 = П.Н. Рыбниковъ: *О особенностях Олонецкого наречия – Песни, собранные П.Н. Рыбниковым*. Вып. IV. Санкт-Петербург, с. 275–299.
- СРГК = *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Вып. 1–6. Под ред. А.С. Герда. Санкт-Петербург 1994–2005.
- KKS = *Karjalan kielen sanakirja*. I–VI. Helsinki 1968–2004. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI).
- KMS = R.E. Nirvi: *Kiihtelysvaaran murteen sanakirja*. I–X. [Joensuu 1974–1981].
- SMS = *Suomen murteiden sanakirja*. 7. Helsinki 2003. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36).